

Литература Искусство

Вопрос о том, каким быть республиканскому русскому драматическому театру имени А. П. Чехова, долгие годы оставался открытым. Режиссеры разных творческих манер и непохожих индивидуальностей не только утверждали в театре соответствующий своим эстетическим концепциям репертуар, комплектовали труппу, но и, что самое существенное, определенным образом стремились влиять на зрительские привязанности и вкусы. Было время, когда чисто постановочные эффекты, огромное число статистов, громкая музыка и шум, преувеличенно скорбные или наигранно бодрые мимики и жесты заслоняли главное — живого, думающего и действующего артиста.

В ПРОЧЕМ, и в годы увлеченной внешней театральностью подлинная правда искусства жила и развивалась в нашем театре. Более того, именно она-то прежде всего и находила живой прием и отклик у зрителей.

И тут мы должны назвать имя заслуженного артиста МССР Виктора Бурхарта и вспомнить его впечатляющие и удивительно разнообразные сценические работы. Виктор

и шарж. Это был убедительный урок подлинной, а не мнимой комедийности актерской игры. И в дальнейшем мы еще не раз встретимся с мастерским воплощением им комедийных характеров.

Вероятно, самая замечательная часть из того, что создал Бурхарт на сцене кишиневского театра, — это образы наших современников. Запомнился Сергей Усов в «Традиционном сборе» В. Розова. Во многих театрах его играли талантливым неудачником, и такое контрастное сочетание человеческих свойств уже само по себе обеспечивало герою симпатии зрителей. У Бурхарта Усов прежде всего был человеком долга, подвижником и рыцарем трезвого, гуманного, требовательного отношения к себе самому и окружающим людям. О зрительских симпатиях актер вроде бы и не заботился и, может быть, именно поэтому герой его воспринимался как-то по-особенному тепло.

В Ильине — шальная расточительность чувств, даже испуг, оторопь при встрече с большой любовью, неумелая попытка мыслить и действовать рационально и здраво, жалкий мужской бунт перед всевластным и грозной самодержавностью женской любви и, наконец, упорная, пьянящая радость любви разделенной. В Шаманове — импозантная, чуть кокетливая усталость от жизни, действительная сухость и рационализм чувств стареющего индивидуалиста, его опасения ненужных ему хлопот и тревог при встрече с любовью, желание отгородиться, замкнуться от жизни, отстоять свое «гордое» мужское одиночество. И в конце — страстная, мучительно живая, все и вся захлестнувшая боль от потери любимой, жажда во что бы то ни стало разобраться, понять, вернуть, если можно, хотя бы наказать себя и другого, случайного виновника происшедшего несчастья. Наконец, трезвое, устоявшееся горе и необходимость изжить его служением людям...

Ничего больше, только самому суть создаваемого характера играет актер Бурхарт в лучших своих работах последних лет. И еще он умеет передаваемо объемно играть заведомых подлецов и «злодеев». Герострат («Забить Герострата!» Г. Горина), Стэнли Ковальский («Трамвай «Желание» Т. Уильямса), Сальери («Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина). Вот уж кого умеет наградить актер внешней монументальностью позы или импозантной грацией мужского «звонкого» хамства, или бесстрашной, ясной и яростной аналитичностью мысли — и все это для того только, чтобы окончательно развенчать эти незаурядные, сориентированные на зло личности, возникающие на наших глазах от соприкосновения души актера, взыскующей света и истины, с жестокой и мудрой авторской мыслью.

И еще, может быть, в большей степени стремится актер к созданию безоговорочно светлых и гармонически прекрасных людей нашей эпохи. На этом пути уже кое-что достигнуто или намечено вехами: по-детски добродушный и неспясаемо твердый в выполнении своего не легкого долга Давид Барателли из спектакля «Судья» по пьесе грузинского драматурга Г. Хуашвили, очень достоверный секретарь парткома из «Протокола одного заседания» А. Гельмана, прекрасная, многообещающая и темпераментная заявка на героический образ Котовского, к сожалению, в весьма несовершенно инсценированном театром киносценарии и, наконец, лучшая его работа в кино — Красин из фильма «Красный дипломат». И все же именно эта мажорная, жизнеутверждающая линия творчества В. Бурхарта, которую он сам, кстати сказать, считал для себя главной в искусстве — вся в будущем, ждет для себя еще неведомых вершин и свершений. Их свидетелями и соучастниками мы, безусловно, будем... «Выбираю мужество», — как бы всем своим творчеством говорит актер, — и в этом его бесстрашие перед сложностью человеческих характеров, творимых им на сцене, в этом — правда его искусства.

В. РОЖКОВСКИЙ.

НА СНИМКЕ: кадр из художественного фильма «Красный дипломат». Крайний справа — В. БУРХАРТ в роли Красина.

ЖИЗНЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

«ВЫБИРАЮ МУЖЕСТВО»

Бурхарт, конечно, не одинок в своем творческом поиске. Его окружает целый ряд единомышленников, коллег и партнеров по спектаклям, современных и сценически ярких актеров нашего театра.

Многим кишиневцам, вероятно, памятен спектакль «За час до полуночи» по пьесе чехословацкого драматурга В. Шубрта, в котором в 1965 году Виктор Бурхарт дебютировал на сцене кишиневского театра. Ничего особенно нового и неожиданного не гналось в сюжете или центральных образах этой психологической детективной истории, связанной с чешским Сопротивлением, однако для Кишинева тех лет спектакль содержал в себе определенное художественное открытие. Оказалось, что простой, естественный тон актерской игры способен приковать к себе внимание и интерес сегодняшних зрителей гораздо более, чем, скажем, преувеличенное комикование или бурная аффектация чувств. И хотя в игре В. Бурхарта в роли Мирека не было еще больших откровений, но уже тогда чувствовалась хорошая, современная культура артиста. Открытия пришли позже.

В современной греческой комедии Д. Псатаса «Требуется лжец», сыгранной в сезоне 1966—67 гг., почти все исполнители играли согласованно, в едином художественном ансамбле, и все же Бурхарт в роли продажного буржуазного парламентария выделялся гротесковостью красок, сатирической точностью, почти памфлетностью проникновения в существо создаваемого им образа. Здесь обнаружилась совершенно новая грань дарования артиста, уверенное владение комедийной стихией образа. Яркое, колоритно играя личность ничтожную, отвратительную, с ее трусоватостью, нагловатостью, страстью к наживе, Виктор Бурхарт ничуть не изменял своим творческим принципам, ибо все эти безусловно сильные краски передавал сдержанно, почти скупно, едва уловимыми нюансами голоса, естественными жестами, бытовой интонацией речи, не впадая в комикование

Иногда видишь актера в больших и интересных, но по ситуации вроде бы одноплановых ролях наших современников, и удивляешься, как теми же скучными средствами, не прибегая к театральным броскостям или острой характерности. Бурхарт создает образы столь непохожие. Вспомним Сашу Ильина из «Пяти вечеров» А. Володина и судебного следователя Шаманова из «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова. Оба они люди трудной судьбы, утратившие веру в себя и свое главное назначение в жизни, оба при встрече с настоящей любовью пасуют, и только в самом конце их судьбы между собою разнятся. Сашу Ильина, прости его отступничество, спасает и возрождает к новой жизни своей огромной, великодушной и светлой любовью Тамара, у Шаманова же личная жизнь оказалась разбитой, и только суровым служением справедливости и общественному долгу он может как-то загладить в своих и наших глазах вину перед встреченной и непознанной им любовью.

У Бурхарта с самого начала, во всем Ильин и Шаманов — резко не похожие друг на друга индивидуальности. Сама соль, существо характера у них разные. Один добр, другой скорее зол; один великодушен и горяч сердцем, другой — обижен, замкнулся, преднамеренно ограничил, сузил свою эмоциональную жизнь как бы надетыми на себя шорами. Оттого так закономерен и точен итог жизни, к которому приходят его герои. Ильин Бурхарта искупает ошибки своей жизни на наших глазах, тогда как Шаманову их предстоит искупить всей своей дальнейшей жизнью. Оба характера актер играет глубоко и убедительно. Современность его игры главным образом заключается в том, что он не позволяет себе никаких «лишних эмоций», может быть, казущихся выигрышными в какой-то момент, но зато в целом сводящих на нет неповторимость характера. И в образах, создаваемых Бурхартом, запоминается, волнует, радует именно главное, суть.

